

Ким. Великий прохожий

КИМ ХАДЕЕВ И БЕЛОРУССКИЙ АНДЕГРАУНД

текст: Владимир Володин, Дмитрий Строчев, Александр Сушков

© Из архива Ольги Пестрак

В Минске вышла книга «Ким. Великий прохожий» (сост. Елена Будинайте; «Лимариус», 2019 год), посвященная Киму Ивановичу Хадееву (1929–2001) — одному из ярчайших персонажей неофициальной культуры советского Минска и важному деятелю белорусского андеграунда. COLTA.RU публикует тексты белорусских авторов, знавших Хадеева и раскрывающих значение его фигуры для российского читателя.

Дмитрий Строчев

Муравей Ким Хадеев

Еще несколько лет назад казалось, что Минск безвозвратно теряет Кима Хадеева. Городской миф о гениальном минчанине, который десятилетиями держал здесь высокое креативное напряжение, неуклонно вырождался в анекдот о местном сумасшедшем с чемоданом дурных наклонностей. Бесстрашный диссидент, яркий интеллектуал, эрудит, «взбесившаяся Британская энциклопедия», как его называли восхищенные сокамерники в сталинской тюрьме, воспитатель и учитель нескольких поколений творческой и научной элиты Беларуси, фантастический собеседник и рассказчик, Ким бесследно исчезал

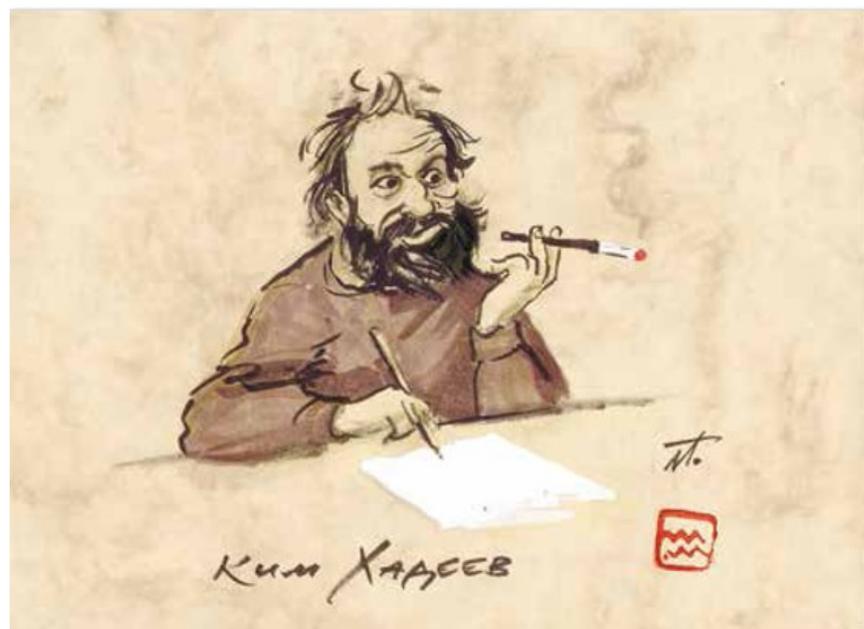
ТЕСТ

Поцелуй Санта-Клауса

Запрещенный рождественский хит и другие праздничные песни в специальном тесте и плейлисте COLTA.RU

из памяти своего города, которому отдал себя без остатка, как бы растворившись в судьбах сотен людей, с кем общался глаза в глаза и кого насыщал собой, как стихия.

Портрет Кима Хадеева. Рисунок М. Тумели

Отдельные журнальные публикации и упоминания в мемуарах современников ничего не меняли, Ким Хадеев оставался в «слепой зоне» городского внимания, и, казалось, так тому и быть — у Минска «нет мотивации» помнить о нем. И вдруг подряд три книги — художественный роман, сборник воспоминаний и историческое исследование, в фокусе которых — Ким Иванович Хадеев, человек-легенда, объект любви и благодарности нескольких десятков авторов-свидетелей, деятельный участник неконформистского движения в СССР, что подтверждено строгими документами и фактами. Все три издания не связаны между собой, создавались на большой культурной дистанции, авторы исходили из очень разных посылов. Такое совпадение может свидетельствовать только о мощном «тектоническом» сдвиге в сознании белорусов, когда открываются «зрение» и «слух» национального сообщества на явление большой культурной и социальной значимости.

«Автомат с газировкой с сиропом и без», роман-реконструкция Владимира Некляева, знаменитого поэта и оппозиционного деятеля современной Беларуси, рассказывает о приключениях молодой компании в советском Минске начала 1960-х. В центре компании — лидер, Ким Хадеев, названный своим именем, несмотря на то что произведение художественное и другие участники повествования действуют под вымышленными именами. Роман вызвал большой интерес, поскольку затрагивает неразработанную тему белорусского диссидентства и культурного сопротивления, и одновременно возмущенную критику — из-за двусмысленности образа Хадеева в произведении.

НОВОСТИ

11 МАРТА 2022

14:52 COLTA.RU заблокирована в России

3 МАРТА 2022

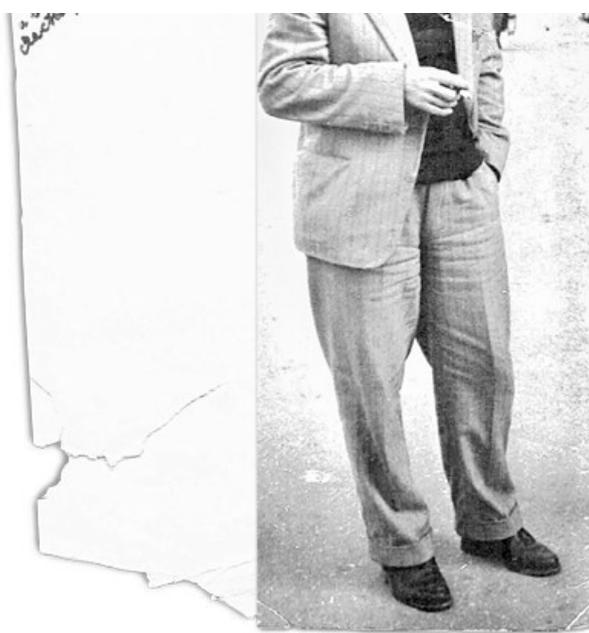
17:48 «Дождь» временно прекращает вещание

17:18 Союз журналистов Карелии пожаловался на Роскомнадзор в Генпрокуратуру

16:32 Сергей Абашин вышел из Ассоциации этнологов и антропологов России

15:36 Генпрокуратура назвала экстремизмом участие в антивоенных митингах

ВСЕ НОВОСТИ

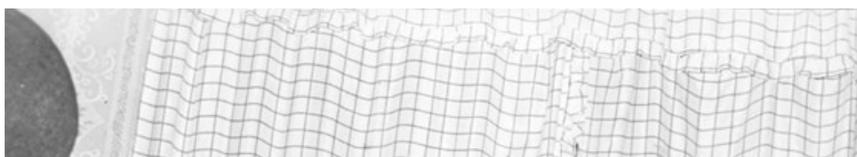

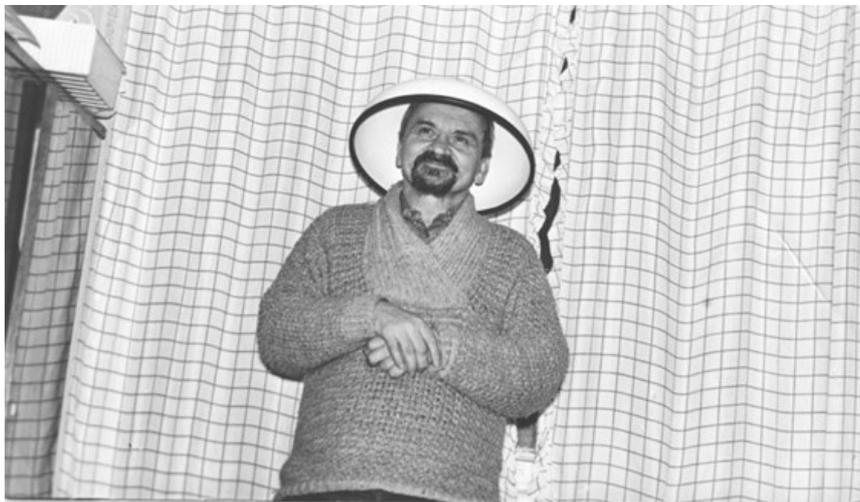
Ким Хадеев. Надпись на обороте его руки: «Пильке. Нежность — высшая форма юмора. Юмор — лучшая форма любви. Нужно быть как гитара — задумчивым и веселым. И не испугаться счастья, если оно придет. Ким»

© Из архива Ольги Пестрак

Еще не улеглись страсти вокруг «Автомата», как появляется «Ким. Великий прохожий. Вероятные истории» — здоровенный иллюстрированный том апологетических воспоминаний о реальном Киме, собравший под своей обложкой больше пятидесяти авторов, представителей четырех поколений кимовских ребят и его же сотрудников в самых разных областях, который дает широчайший диапазон взглядов — от драматического до комического, от дружеского до строго профессионального — на уникального параджановского склада человека из Минска. Многие из участников сборника впервые встретились или даже узнали друг о друге в пространстве этой книги.

И когда в результате двух первых резонансных изданий градус субъективности в высказываниях о Хадееве достигает потолка, выходит книга «Безродный космополит» Ким Хадеев и другие. Преследование инакомыслящих в советское время. Сборник документов». А дело в том, что в Беларуси всегда были сильны голоса скептиков, упрямо повторявших, что героический миф Хадеева придумали сам этот хитрец и дружки из его банды, никакого подтверждения ничему нет и никакой репутации в диссидентских и культурных кругах за пределами Минска у Кима никогда не было. Историк Владимир Володин, изучающий неконформистские студенческие движения в белорусских вузах, неожиданно натолкнулся на протоколы партийных и университетских заседаний, посвященных Хадееву и его единомышленникам и проходивших в 1949 и 1962 годах. Собрав все доступные на данный момент материалы, касающиеся этих двух политических процессов, Володин выпустил свою книгу в серии «Белорусская тюремная литература». Серию издает правозащитный центр «Весна», не зарегистрированная в Беларуси организация.

© Из архива Александра Бабенкова

Почему возвращается Хадеев?

Не так давно американские энтомологи исследовали знаменитое трудолюбие муравьев. Оказалось, что действительно полезную работу выполняет не более трех процентов работоспособных особей, семьдесят процентов имитируют общественно значимый труд, а четверть всей популяции даже не скрывает своего безделья. В человеческом советском обществе в эпоху развитого социализма эти пропорции, конечно, были другими.

Содержательно трудились все те же три процента, имитировали полезную деятельность девяносто пять процентов трудоспособных советских граждан, и только два процента имели смелость открыто ничего не делать на глазах у возмущенной общественности. Такое смещение пропорций объясняется жестким трудовым законодательством и уголовным преследованием за тунеядство. Эту оборотную сторону социалистического лозунга «От каждого по способностям — каждому по труду» еще на заре рабоче-крестьянской власти заметил Мандельштам и прокомментировал следующим образом: «Есть блуд труда, и он у нас в крови».

Ким Хадеев, безусловно, входил в три процента эффективных трудоголиков, его КПД мог дать фору Министерству культуры и Министерству образования БССР вместе взятым, при этом Ким искренне любил и привечал честных бездельников, с которыми по-настоящему умел валять дурака, но до рвотного рефлекса не переносил имитаторов любого рода. И в этом, прежде всего, принципиально расходился с советским строем, задолго до перестройки предсказав сроки его триумфального крушения.

Ким-школьник (предположительно 1946 год)

© Из архива Ю. Чернявской

Ким Хадеев рос в семье старых большевиков, «недобитых» троцкистов, поэтому с детства слышал неприкрытую критику в адрес Сталина. В 1949 году, когда началась травля нескольких «космополитов», преподавателей-евреев, в Белорусском университете, где Ким тогда учился, молодой студент-филолог пришел к матери и предупредил, что собирается выступить на комсомольском собрании с политическим заявлением. Мать ответила, что он совершает великую глупость, но пусть делает так, как говорит совесть. Не остановила. По словам Кима, на собрании он призвал к убийству Сталина и свержению ВКП(б). Тогда ему нужно было выйти, громко хлопнув дверью, «из мира, который надолго и в котором он ни при каких обстоятельствах жить не хочет».

Сорок лет спустя, в конце 1980-х, когда многие друзья-евреи уезжали из Минска на ПМЖ в Израиль или США, они звали Кима с собой, гарантировали пожизненное содержание, райские условия для завершения недописанных сочинений, на что Хадеев ответил, что никуда не поедет, даже несмотря на Чернобыль, что готов жить хоть в атомном реакторе, лишь бы не менять привычные отношения и обстановку.

Между этими биографическими вехами Ким Хадеев успел дважды отсидеть в ЛТПБ (Ленинградской тюремной психбольнице), завести близкие знакомства в творческих и диссидентских кругах Москвы и Ленинграда и вырастить в Минске уникальный космос человеческих отношений, одновременно открытых и при этом независимых от имитационной советской идеологии.

Ким Хадеев (сидит, третий слева) в московской диссидентской компании, в доме Юрия Айхенвальда. 1970-е

Правомочно допустить, что продолжительное тюремное общение в 1952–1954 годах с Павлом Улитиним, Юрием Айхенвальдом, Александром Асарканом и другими диссидентами-интеллектуалами превратило молодого Кима Хадеева из воинствующего антикоммуниста в нонконформиста с интуициями непромокаемого для идеологии культурного

космоса в Минске. И, конечно, сама возможность интенсивной независимой жизни в условиях тюремной психбольницы давала такие подсказки.

По возвращении из тюрьмы Ким восстанавливается на филфаке, стремительно оканчивает университет и даже поступает в магистратуру, но затем сходит с дистанции и больше никогда не имеет прямых отношений с советской наукой, с ее требованиями мимикрии мысли и сопряженности с марксизмом-ленинизмом. Он открывает свой дом для всех, желающих полнокровного неподцензурного общения. Вокруг Хадеева быстро собирается живой круг блестящей молодежи.

Нонконформистская ситуация в Минске всегда сильно отличалась от московской и ленинградской. На допросах в КГБ, куда Кима в профилактических целях время от времени вызывали, ему прямо предлагали перебраться в одну из советских столиц. «Ким Иванович, — говорили ему, — там таких, как вы, десятки. Вы там затеряетесь. А здесь вы у нас один. И мы из-за вас покоя не знаем, и у вас с нами покоя не будет».

Открытка Киму от А. Асаркана из Чикаго

Второй срок — в 1962 году — Ким Хадеев получает за хранение и распространение московского самиздата. Своего, минского, самиздата не могло быть в принципе: Ким настолько был под колпаком ГБ, что это бы сразу заметили (сексотов в его настужь открытом доме было достаточно). А неподцензурная публикация — это прямая статья и новая посадка. Поэтому все, что сочинялось в кругу Кима Хадеева, писалось до лучших времен — в стол.

Ким называл себя агностиком, но под рукой всегда держал Тору. В его доме и при его деятельном участии один за другим писались романы в стихах на библейские темы — «Иов», «Иона», «Исход». Автором романов был поэт Григорий Трестман. К слову

сказать, из компании Кима Хадеева вышло несколько ортодоксальных иудеев с раввинскими посвящениями, по крайней мере, два буддийских проповедника и без счета христиан.

Не могу назвать ни одного клона, кого-нибудь, кто вышел бы из общения с Кимом похожим на него или хотя бы пробовал ему подражать. Ким не воспитывал породу, не культивировал признаки; он, во-первых, с искренним восхищением принимал уникальность каждого, кто переступал порог его «запретного» дома (многие этого шага никогда не сделали — из боязни преследования и карьерных рисков), и, во-вторых, с увлечением развивал или раскрывал эту уникальность каждого. Развивал, если к тому были основания. Не стремился всех пристроить к какому-нибудь делу. Уважал и с увлечением разделял чужую праздность. И к удивлению — из сорняков праздности повырастало немало высококультурных личностей.

Ким и кимовские ребята из третьего поколения. 1980-е
© Из архива Александра Бабенкова

В семье Ким получил спартанское большевистское воспитание, всегда жил очень аскетично, но не по идеологическим соображениям, а из тихого равнодушия к вещам мира. Все его изумление было обращено к человеку — к такому, какой он есть, — и выражалось в чистой нежности к тому, кого он видит перед собой и кто не имитирует радость встречи и готовность общаться глаза в глаза.

Николай Захаренко и Ким
© Из архива Н. Захаренко

В современном белорусском обществе, где имитации подвергается все — демократия, справедливое судопроизводство, социальная защита населения, образование, культура и даже оппозиционный политический протест, — кажется, наступает какой-то край. И на этом краю становится виден муравей Ким Иванович Хадеев с удивительным чувством подлинности жизни — Ким, который действительно любил творить все новое, умел вовремя подставить рабочее плечо, подключить свой термоядерный процессор и на пару с сомлевшим автором вытащить в гору любой неподъемный воз — научную диссертацию, театральную постановку, роман в стихах, а затем беспечно отойти в сторону без мысли об авторских правах и счастливо раствориться в шумной толпе праздных бездельников, в новой толпе минских пижонов.

21 июня 2020 года

Владимир Володин

Ким Хадеев и его университеты

Фигура Кима Хадеева (1929–2001) в последние годы привлекает к себе заметный интерес минской публики. Ему посвящают вечера памяти, статьи, главы в книгах и целые книги. При этом сам по себе Ким Хадеев вроде бы ничего выдающегося не произвел — не написал ни одной книги, не поставил ни одной пьесы, не имел ученых степеней и не преподавал ни в каком университете. Подумаешь, товаровед областного книготорга!

Но зато в каких кругах этот товаровед вращался! Благодаря своей невероятной способности общаться Ким Хадеев был знаком с половиной интеллигенции своего города, Минска. Через призму его жизни, его компаний, нескольких поколений его учеников можно изучать историю минской интеллигенции.

Рожденный в Минске, Ким Хадеев был сыном русского командира Красной армии, попавшего в город после революции, и местной еврейки-учительницы. Семья принадлежала к большевистской элите, поэтому смогла эвакуироваться в 1941 году, а потом успешно вернуться в Минск. Сын-вундеркинд в 1947 году без проблем поступил на филологический факультет Белорусского государственного университета и блестяще учился.

Как раз в это время проходила череда идеологических кампаний: по уничтожению в СССР генетики, по борьбе с «формализмом» и «безродным космополитизмом» и прочая, и прочая, и прочая. Под каток кампанейщины попал и Хадеев. В начале 1949 года на

обсуждении балетного спектакля «Князь-озеро» (музыка Василия Золотарева), поставленного в местном театре оперы и балета, он имел неосторожность спектакль покритиковать за введение в него драматических сцен. Критиковали спектакль и другие студенты из компании Хадеева — Александр Шлык (будущий член-корреспондент АН СССР) и Розита Колпакчи. Позже всех троих «песочили» на комсомольских и партийных собраниях как «эстетствующих формалистов», «гурманов от искусства» и «космополитов». Шлык и Колпакчи покаяться. Хадеев не только не покаяться, но и в резких высказываниях отстаивал свою точку зрения. Очень скоро, уже в начале марта, Хадеев был исключен из университета.

Одновременно филфак БГУ «очистили» от многих преподавателей — «космополитов» и «идеалистов». Так, были уволены приезжавшие читать лекции москвичи Лев Бараг, Борис Нейман, Мария Корнеева-Петрулан. Нейман и Корнеева-Петрулан были специалистами старой, еще дореволюционной, школы, а Барага ЦК КП(б)Б назначил одним из главных «космополитов» Беларуси (по этническому признаку).

Сам Ким Хадеев утверждал, что на факультетском собрании допустил прямые выпады против Сталина, за что и был арестован. Вполне возможно, что это так (к сожалению, минские архивы КГБ совершенно закрыты, даже для родственников репрессированных, поэтому нам нечем перепроверить его слова). Однако между исключением Хадеева из университета и его арестом прошло почти два года: арестован он был 6 февраля 1951 года. По статье 72 УК БССР («антисоветская агитация») Хадеева не судили, а признали «невменяемым» и отправили на принудительное «лечение» в Ленинградскую тюремную психиатрическую больницу (ЛТПБ). В последней Хадеев пробыл до 15 февраля 1954 года, когда был освобожден по определению Минского областного суда от 30 января 1954 года и передан на поруки отцу.

Годы, проведенные в ЛТПБ во время первой «посадки», Хадеев позднее назвал одними «из лучших лет своей жизни в смысле общения и информации». Там он познакомился с различными интересными людьми, в том числе с ровесниками-москвичами — поэтом и переводчиком Юрием Айхенвальдом (1928–1993) и театральным критиком Александром Асарканом (1930–2004), а также с писателем Павлом Улитиным (1918–1986). В своих произведениях Улитин не раз упоминал знакомых по Ленинградской тюремной психиатрической больнице, в том числе и Хадеева.

После своего возвращения из Ленинграда в Минск Хадеев завершил высшее образование и даже поступил в аспирантуру, но до защиты диссертации дело не дошло. Он устроился на работу инструктором отдела книжной торговли облпотребсоюза (видно, не обошлось без протекции отца, который работал в торговле с 1920-х).

Ким Хадеев. 1960-е

© Из архива Ольги Пестрак

Ким Хадеев не терял связи с некоторыми из тех, с кем познакомился в заключении, обрстал новыми московскими и ленинградскими знакомствами. Но обрстал и новыми знакомствами минскими. В начале 1960-х в компанию Хадеева входили как представители местной «золотой молодежи» (сын писателя Пилипа Пестрака Анатолий, сын декана театрального факультета театрально-художественного института Пилипа Кобли Юрий), так и менее видные происхождением, но также интересующиеся неподцензурными разговорами и книгами студенты. В компании ходил по рукам самиздат, добытый в Москве.

25 января 1962 года сотрудники КГБ арестовали Кима Хадеева и его знакомого, актера Эдуарда Горячего. Их обвинили в «антисоветской агитации» за распространение машинописей Улитина «Табу» и «Анти-Асаркан» («распространение» заключалось в том, что эти двое давали почитать книги своим друзьям; копий не делали). В Минске были допрошены в качестве свидетелей десятки людей. А в Москве по делу Хадеева и Горячего прошли обыски у Павла Улитина (7 февраля) и Александра Асаркана. При обысках были конфискованы произведения Улитина и письма Хадеева и Хадееву, при этом сам Улитин не получил статус ни обвиняемого, ни подозреваемого. Парадокс в том, что произведения Улитина были признаны «антисоветскими», а сам Улитин не скрывал, что передавал другим людям свои машинописи, — а это уже «распространение» (соответственно, Улитину угрожала статья 70 УК РСФСР — «антисоветская агитация и пропаганда»). Логика кагэбэшников можно понять следующим образом: у московских работы и так хватало, и плановых показателей по раскрытию деятельности антиправительственных групп и индивидов они достигали. На этом фоне один отдельно взятый литератор, тихо занимающийся созданием очень малотиражных машинописей, не был той рыбой, которую стоит ловить. А вот минским работы было мало, поэтому из любой мухи положено было раздуть слона.

Уголовное дело, нависавшее над Улитиним, нашло непосредственное отражение в его произведениях, написанных в 1962 году, и сильно повлияло на его стиль. И действительно — в дальнейшем проза Улитина еще больше наполняется полунамеками, понятными лишь очень узкому кругу, а любые выражения, которые можно было бы квалифицировать как «антисоветские», из нее испаряются: «Я и слов-то таких не употребляю на своей машинке: “сталинские преступления”, “этический знак эпохи”. Впрочем, мне тоже пришлось отказаться от таких слов, как “комедия всенародного голосования”, например» [1].

Ким Хадеев опять был направлен на принудительное «лечение» в ЛТПБ, откуда был освобожден 8 июля 1963 года по определению Минского областного суда от 25 июня 1963 года.

Эдуард Горячий был осужден судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда БССР 6 июня 1962 года на два года заключения. Срок он отбывал в мордовских лагерях, отбыл его полностью. Реабилитирован Пленумом Верховного суда БССР 9 декабря 1983 года.

Многие из круга Кима Хадеева в 1962 году были исключены из комсомола и/или из института. По крайней мере, в Белорусском государственном университете исключения сопровождались факультетскими и университетскими комсомольскими собраниями, на которых «провинившихся» студентов распекали за дружбу с «антисоветчиком» и за чтение «антисоветской» литературы.

После выхода из психиатрической тюрьмы Ким Хадеев продолжил группировать вокруг себя компании молодых и не только людей и другим образом активно участвовать в минской культурной жизни. Сажать его больше не сажали, но и о реабилитации сведений у нас нет. Не исключено, что он до сих пор не реабилитирован (не потому, что «органы» пошли на принцип, а просто по недосмотру).

В мае 2020 года в Минске правозащитным центром «Вясна» был выпущен **сборник** документов о двух уголовных делах Кима Хадеева [2]. Среди прочего в **сборник** включены статья Юрия Айхенвальда «Театр в сумасшедшем доме», повествующая о художественной самодеятельности в ЛТПБ, и документы из надзорного производства Прокуратуры СССР по делу Хадеева и Горячего, по которым можно составить некоторое представление о содержании книг Улитина «Табу» и «Анти-Асаркан». **Сборник доступен в сети.**

---

[1] Павел Улитин. «Четыре кварка» и другие тексты. — М.: 2018. С. 22.

[2] «Бязродны касмапаліт» Кім Хадзееў ды іншыя. Пераслед іншадумцаў за савецкім часам. Зборнік дакументаў / Укладальнік Уладзімір Валодзін. — Мінск: 2020.

Вечный дым параллельной культуры

Одним из самых ярких, хотя и чересчур оригинальных моих товарищей в школе был Ким Хадеев. Киму, исключительно талантливому в гуманитарных науках, была вместе с тем присуща крайняя экстравагантность.

Жорес Алферов, академик, лауреат Нобелевской премии по физике

Годами его судили да пересуживали — сталинский отсидник, диссидент, маргинал.

Десятилетиями им восхищались в интеллектуальных кругах, на прокуренных кухнях: 50 диссертаций — 4 докторские, 46 кандидатских, 10 монографий.

Очевидное — невероятное: в парадоксальной близости — одноклассник Жореса Алферова, товарищ Юрия Айхенвальда, друг Ролана Быкова, участник ЛГБТ, зритель МХТ, ценитель БДТ, пациент ЛТПБ.

Ким создал философскую систему «Двоичность». И написал сказку «Солдат и смерть». Обе вещи сложны для понимания и прочтения.

По сей день его любят, ненавидят, цитируют: «Я не хотел жить в стране, где от убийства людей переходят к убийству идей».

И вот случилось то, что должно было случиться, — жизнь ушла вперед, а воспоминания пяти десятков людей, знавших Кима, легли на бумагу.

«Ким. Великий прохожий» — первая и единственная биография Кима Ивановича Хадеева (1929–2001). В книгу вошли уникальные, ранее нигде не публиковавшиеся архивные материалы и фотографии.

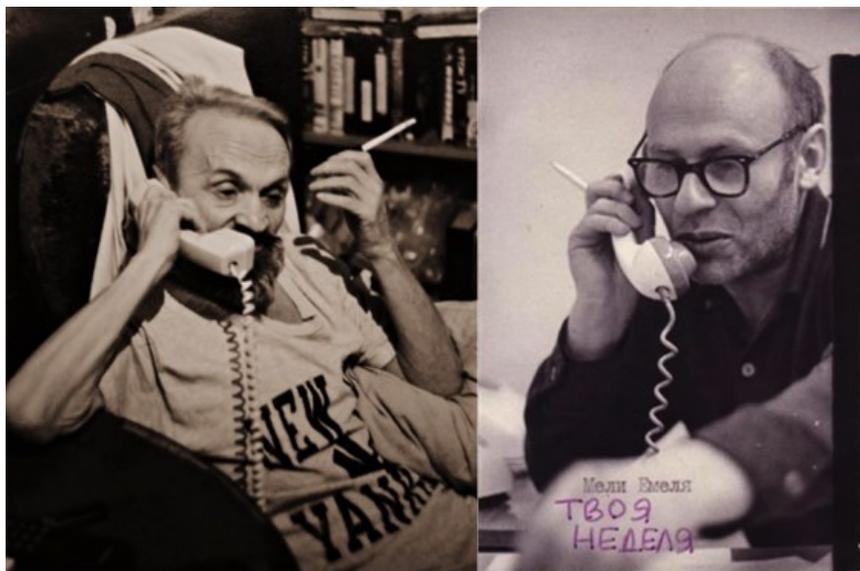
Ким — феномен неофициальной «второй культуры» Минска.

Явление ярчайшее и столь же труднообъяснимое, как Саша Асаркан для Москвы или Давид Дар для Санкт-Петербурга.

Ким, Асаркан и эмгэбэшный аркан

- У меня есть коньяк. Хотите?
— Спасибо. У меня тоже есть коньяк.
— Зато, вероятно, у вас нет салями.
— У меня есть салями.
— Значит, мы с вами хлебаем из одной тарелки, — сказал генерал, наблюдая за тем, что доставал Штирлиц из портфеля.

К/ф «Семнадцать мгновений весны»

Памятный диалог Штирлица с генералом вермахта в дипломатическом вагоне швейцарского ночного экспресса, переданный в уста Саши Асаркана и Кима Хадеева, выглядел бы примерно так.

Стылая теплушка, набитая эсками, катит не по коридору Скандинавия — Швейцария, а по Ижорскому склону. Стук стальных колесных пар на рельсовых стыках отбивает такт — 58–8, 58–10, 58–2.

Саша Асаркан: У меня никогда не было пальто и денег.

Я призвал прекратить войну с Японией, расклеив три листовки на соседних подъездах. Пусть американцы воюют. Они кровь видели только в зеркале, когда порежутся бритвой.

Меня три года искали.

Ким Хадеев: У меня тоже уже нет пальто и денег.

Я призвал с университетской трибуны повесить Сталина и всех коммунистов заодно. Если веревок хватит.

Меня тут же загребли.

Саша Асаркан: Зато, вероятно, вы не едете в тюремную психушку.

Ким Хадеев: Я еду в тюремную психушку!

Саша Асаркан: Значит, мы с вами будем хлебать всю жизнь из одной миски.

Интеллектуальная элита тех далеких поколений нахлебалась вволю советской баланды и гэбэшной стряпни.

Окуджава Шалва Степанович (1-й секретарь Нижнетагильского горкома ВКП(б)) — дата расстрела: 4 августа 1937 года.

Трифонов Валентин Андреевич (советский военный и государственный деятель, дипломат) — дата расстрела: 15 марта 1938 года.

Хуциев Мартын Леванович (заместитель наркома внутренней и внешней торговли СССР) — расстрелян в 1937 году.

Аксенов Павел Васильевич (председатель Казанского городского совета депутатов трудящихся) — приговор: смертная казнь, заменена на 15 лет ИТЛ. Почти 18 лет находился в лагерях Инты (Коми АССР).

Айхенвальд Александр Юльевич (советский экономист бухаринского направления) — дата расстрела: 11 сентября 1941 года.

Федоров Николай Федорович (красный командир, герой Гражданской войны) — приговор: 15 лет ИТЛ (участие в военном заговоре), срок отбывал на Колыме.

Их сыновья стали бардами, поэтами, писателями, кинорежиссерами, учеными. Офтальмолог Святослав Николаевич Федоров — Герой Социалистического Труда СССР.

Был и другой путь к свободе и самовыражению — открыто или скрыто протестный, но тоже оцененный властью.

Ким Хадеев: В сорок девятом году в первых числах января был балет Золотарева (балет «Князь-озеро», композитор В.А. Золотарев. — А.С.). Золотарев был учеником Римского-Корсакова. Это было государственным мероприятием. Это был второй белорусский балет. Нас, трех студентов университета, тогда попросили выступить. Мне было девятнадцать лет и три месяца. Мы выступили. Нас обвинили в формализме и космополитизме. Двое других покаялись. Вместо того чтобы покаяться, я на комсомольском собрании факультета (причем сделал это

сознательно, не от истерики — я не хотел жить в стране, где от убийства людей переходят к убийству идей) выступил с призывом к убийству Сталина. После этого меня еще месяц держали, наблюдая, есть ли кто-нибудь вокруг меня. Вокруг тогда уже никого не было.

Но поскольку, так сказать, выступление было уж слишком чудовищным по тем временам, меня отправили одного, как нормального психа, в Ленинград, где я провел, как ни странно, одни из лучших лет своей жизни в смысле общения и информации. По сути, это был осознанный шаг. При том что тогда я был звездой университета. Все у меня складывалось идеально благополучно. Я начиная с сорок восьмого года, с кампании борьбы с космополитами, с нападения на идеи, почувствовал, что попал в мир, который надолго и в котором я жить ни при каких обстоятельствах не хочу. Я понимал, что это бессмысленный шаг. Но от таких бессмысленных жестов остается хотя бы память. Я тогда получил пятнадцать лет «крытки». Потом подход Сталин, и через полтора года нас выпустили. Мои тюремные университеты. Мне здесь еще повезло встретить фантастически интересных, много знающих людей. А кроме того, я нарвался на огромную библиотеку. А в тюремных библиотеках нам давали все. Говорили: «Вы фашисты, все равно не выйдете, поэтому вам все можно». То есть мы имели все, что было запрещено к чтению на воле. Появился я в Минске после первой посадки в пятьдесят четвертом, вернулся в него. А в шестьдесят втором на полтора года загремел в тюремную психушку.

Молодые люди Ким Хадеев и Саша Асаркан попали в Ленинградскую тюремную психиатрическую больницу МВД СССР.

Больница мало чем отличалась от тюрьмы. Решетки на камерах, прожектора, колючая проволока по периметру, охрана МВД, овчарки на территории. Запрет на встречу с родственниками. Запрет на передачи.

Но все же режим в ЛТПБ был мягче, чем в любой из сталинских тюрем. Днем камеры отпирались, и можно было беспрепятственно общаться с соседями. Имелись библиотека и даже самодеятельность.

Среди примерно 250 ремиссирующих психов были профессора с дореволюционным образованием, академики, экономисты, гуманитарии, философы. Такого состава интеллектуалов не было ни в одном вузе Советского Союза. Вот откуда фраза «мои тюремные университеты» — здесь Ким и Саша получили по-настоящему академическое образование.

Конечно, в тюремной больнице были и конкретные сумасшедшие. По воспоминаниям Валерии Михайловны Герлин, обстановка в психиатрической лечебнице была соответствующей. Песню на день рождения Сталина исполнял «хор невменяемых убийц». Петь об отце всех народов могли исключительно неполитические. Неполитическими в ЛТПБ были только невменяемые убийцы.

В круг учителей и друзей Кима Хадеева и Саши Асаркана входили: писатель Павел Улитин — автор герметически-непроходимой прозы; поэт и математик Александр Есенин-Вольпин — сын Сергея Есенина; Юрий Айхенвальд — поэт, переводчик, правозащитник. Это его деда выслали на так называемом философском пароходе, а отца расстреляли. У его жены Валерии Герлин в 1937-м отец тоже был расстрелян. Вот такая компания. Такие друзья.

Асаркан, не окончивший на воле даже средней школы, блестяще выучил в психушке итальянский язык, который ему преподавал дедушка его будущей жены Ольги Карповой (*Olga Helly*).

Поднаторевший Хадеев написал там кандидатскую диссертацию для начальника больницы.

Ким Хадеев: Могу тебе сказать честно. Я написал сорок шесть кандидатских и четыре докторские. Кроме того, еще там штук десять монографий. Так я зарабатывал гроши. Практически с пятьдесят четвертого... с пятьдесят пятого до... Последнюю диссертацию я сделал в девяностом. Но это уже по огромной просьбе. Но до восьмидесят восьмого я зарабатывал только этим. Тематика — четырнадцать областей. Практически все в гуманитарных областях, что не было музыковедением, которого я не знаю, где я только слушатель-дилетант. И языкознанием, потому что это было слишком тягостным каторжным трудом. Все остальное в гуманитарных областях я делал. Кроме того, приходилось делать странные работы. Например, в психиатрии. В теории медицины. Даже в гемокardiологии. Это одновременно проблема крови и сердца. Это проблема предынфарктного состояния первых часов инфаркта.

Саша Асаркан тоже писал и за себя, и за других. Его театральные рецензии становились событием.

Ким Хадеев — минчанин, Саша Асаркан — москвич, уехавший в Чикаго, — но их судьбы загадочно переплетены. Дружба, быт, жизненные стратегии схожи до такой степени, что невольно думаешь: это один и тот же человек.

Оба они невероятно чувствовали время. Оба каким-то волчьим нюхом безошибочно определяли талант среди молодых ребят, с которыми они обожали возиться, лепя из них личности. Иногда удачно, иногда не очень. Кима и Сашу помнят и ценят без преувеличения сотни людей по всему миру.

Глубоко затянувшись сигаретой, советско-британский философ Александр Пятигорский выдохнул мысль, характеризующую Сашу Асаркана. Но эта же характеристика на все сто подходит и к Киму Хадееву.

Александр Пятигорский: Простите меня за эту абракадабру. Хорошо? Личностный катализатор — это человек, который... ведь вам известно, что не каждый человек — личность. Это человек — сам личность, разумеется, — который катализирует личность в других — личностное

начало, о котором они сами могут не иметь ни малейшего представления.

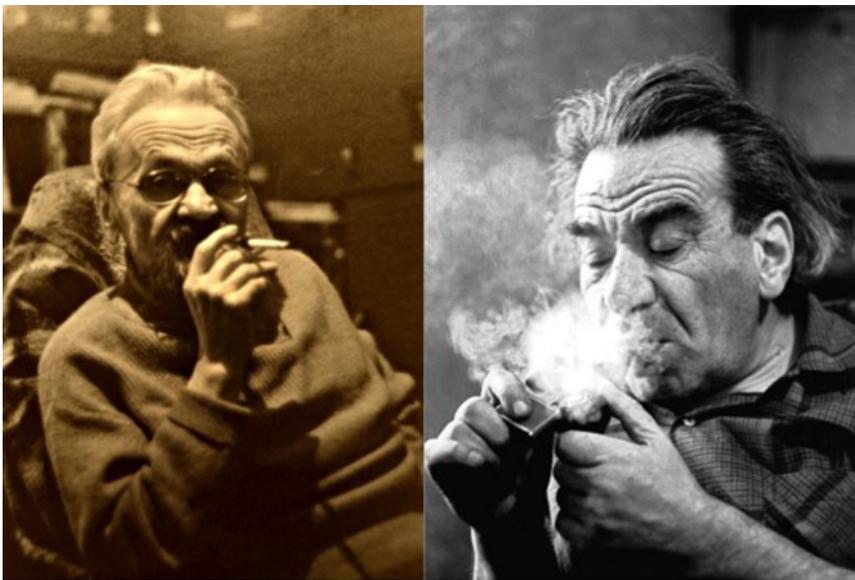
Положительное и отрицательное влияние в равной степени — это обязательно! Потому что реальный вред, реальный, может принести и себе, и другим только личность.

Реальное влияние — и хорошее, и плохое — может иметь только личность!

Дар, дым, Ким

Табачил дед бесконечно, безбожно. Тяжелый танцор Никотин, да. И над столицей туман, когда курит атаман, точноком в Даля не гляди.

Алесь Давыдчик

Это разные биографии — Ким из Минска, Дар из Ленинграда.

Когда Ким появился на свет, Дар уже работал журналистом.

Давид Яковлевич Дар (Рывкин) родился в Санкт-Петербурге в 1910 году. Он успел пообщаться с К.Э. Циолковским и написать о нем.

В 1933-м он проплыл на пароходе по Беломорканалу, достраиваемому зэками, в составе 120 советских писателей.

В Отечественную войну Дар — комвзвода отдельного разведывательного батальона на Ленинградском фронте, тяжело ранен на «Невском пяточке».

В 1944-м у него уже были и ордена, и книги.

Все награды вернул вместе с членским билетом Союза писателей перед эмиграцией в Израиль.

После войны Давид Дар вступил в брак с Верой Пановой.

В 1948 году Давид Яковлевич организовал литературное объединение «Голос юности», через которое прошли практически все известные и неизвестные молодые ленинградские авторы: Глеб Горбовский, Виктор Соснора, Александр Кушнер, Владимир Марамзин, Виктор Голявкин, Игорь Ефимов, Борис Вахтин, Дмитрий Бобышев, Олег Охалкин.

Ким не был знаком с Даром. Их судьбы бесконечно разнятся — Ким не воевал. Михаила Зощенко лично не знал. И Анне Ахматовой шубу не подавал.

Но эти личности схожи, как две пачки «Беломора» из сельпо.

В двадцать лет Ким понял, что недостаточно гениален, и решил повеситься. Дар тоже на двадцать первом году «потерял веру в себя».

Один из профессоров в ЛТПБ объяснял Киму: «Из тебя не выйдет ни великого поэта, ни великого писателя. Твой исключительный талант — в общении с людьми!»

Давид Дар после прочтения книжки Циолковского «Монизм Вселенной» встретился с «калужским мечтателем», чтобы услышать от него, что «смерти нет». А «счастье человека вовсе не измеряется его удачами, а зависит только от его убежденности в том, что он связан со всеми людьми на свете — и с теми, кто уже умер, и с теми, кто еще не родился». И «надо почувствовать себя частичкой Вселенной».

Ким Хадеев, как и Давид Дар, организовал литературное (и не только) объединение прямо у себя на квартире. Ходили к нему будущие и действующие поэты, писатели, режиссеры, драматурги, экономисты, богословы, военные. И все-все-все.

И Дара, и Кима сравнивали с Сократом.

Поди разберись сегодня, в скольких людях они разбудили личность, помогли обзавестись своими эстетикой и мировоззрением, включили в свою космическую матрицу.

Ким жил в центре Минска, недалеко от стелы Монумента Победы.

Однажды зимой валил такой плотный, слипшийся снег, что погасил Вечный огонь под ним. Вместо огня повалил пар с дымом.

Вечный дым, такой же, как из форточки бесконечно курящего минского чудака Кима, похожего на всех гениев мира. И встречающего тебя радостной фразой с хрипотцой: «Бл**ский рот! Повешусь! Заходи, Санька!»

Понравился материал? Помоги сайту!

ПОДЕЛИТЬСЯ ССЫЛКОЙ / SHARE

TWITTER

ВКОНТАКТЕ